

НИКА СОЗОНОВА

Никотиновая баллада

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ника Созонова
Никотиновая баллада

<https://litres.ru/73131203>

SelfPub; 2026

Аннотация

О любви, о прощении. О том, что смерть не может разлучить или разделить. Главные герои - художница и проститутка и ее самый близкий и не совсем обычный друг.

Содержание

24 июня	4
1 июля	12
20 июля	25
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Никотиновая баллада

24 июня

Когда-то я умела летать. То есть мне так казалось, когда, сидя на холме над рекой или на подоконнике, я смотрела на зеленую траву под ногами или серую кожу асфальта. Хотелось развести руки в стороны, сильно оттолкнуться ступнями и понестись - сперва на бреющем, потом все выше и выше. Теперь я разучилась так думать, так мечтать. Что осталось от той девочки с распахнутыми глазами и вечно задранной вверх головой? Порой я так засматривалась на звезды или облака, что падала на ровном месте и разбивала колени или лицо.

Сегодня мой день рождения. Мик сказал, что это прекрасный повод задуматься о собственной жизни. Я редко с ним соглашаюсь, но на этот раз, похоже, он прав.

Итак, сегодня мне стукнуло двадцать три. Это не настолько критическая дата, чтобы закопаться в нечто глобальное типа смысла жизни или иллюзорности всего сущего, но в то же время - приличный срок, чтобы подвести какие-то итоги.

Сегодня я в гордом одиночестве пью хорошее красное вино. Любуюсь, как оно переливается в бокале всеми оттенками рубинового. Мик сидит на подоконнике с сигаретой. Он никогда не пьет и почти всегда курит. Он - друг дет-

ства. Единственный друг. Когда мы познакомились, он был щуплым и большеухим, а вырос, можно сказать, в красавца. Большие строгие глаза, серо-голубые, почти прозрачные. Оттопыренные уши теперь закрыты светлыми волосами до плеч. Не портят впечатления даже ассиметричный рот, словно ласково усмехающийся чему-то, и шрам на левой скуле. В общем, если бы девчонки нашего областного центра увидели его, влюбились бы поголовно. Но его никто не видел и не увидит, кроме меня. Он - моя шизофрения, выдумка, раздвоение личности. Не знаю, как обозвать точнее, но я смирилась со своим сумасшествием и научилась вести себя так, чтобы окружающие не замечали, что с головой у меня не все в порядке.

Я подымаю бокал. Мик прикладывает пальцы к губам и посылает мне воздушный поцелуй. Освещенная заходящим солнцем фигура в проеме окна весьма колоритна, и я, отставив вино в сторону, берусь за карандаш. Я художница. Впрочем, это громкое слово - оно для тех, чьи картины продаются на выставках. Кто, небрежно кинув дорогую шубу на стул в мастерской - просторной мансарде под самым небом, и, сделав пару мазков, обращается, поджав губы, к замерзшей натурщице: 'Шли бы вы домой, душенька, сегодня вы явно не в лучшей форме'. А я - я просто рисую цветы, бесформенные узоры, вывернутое подсознание, да еще портреты несуществующих людей, которые никому кроме меня не нужны. И натурщик у меня всего один, да и он не особо любит по-

зировать.

- Мик, как ты смотришь на то, чтобы я не пошла сегодня на работу? - Мысль еще не до конца сформировалась в моей голове, но уже облеклась в слова. Со мной всегда так.

- Как хочешь, Тэш, - он слегка приподнимает бровь. Значит, удивлен.

- Да, хорошая идея. Что я там забыла в свой день рождения? Илонка не рассердится - вряд ли сегодня будет много клиентов. А мы с тобой поиграем в шахматы, почитаем умные книжки. Или в парк гулять пойдем на всю ночь. И ты будешь признаваться мне в любви, стоя на одном колене, в серебряном свете луны.

- Во-первых, луны не будет: новолуние. Во-вторых, обойдешься! - улыбается ехидно-ехидно, зараза. - И вообще, лучше шахматы и умные книги.

- Нет, ты не романтик! - В притворной истерике я отбрасываю карандаш, заламываю руки и валюсь как подкошенная на палас. - О, жестокосердный, ты забыл, что обещал вечно хранить мне верность? А еще, - я принимаюсь загибать пальцы: - исполнять все мои капризы, мыть посуду, выносить мусор, доить корову моей внучатой прабабушки и чесать мне перед сном пятки.

- Тэш, слушай, а?..

- О да, крутобровый повелитель моего сердца? - изображаю почтение и внимание, усиленно хлопая ресницами.

- Может, на работу пойдешь, а?..

- О нет! - содрогаясь, я закрываю лицо от злобного и неблагодарного мира. - Ты, ты! - посылаешь меня в этот при-тон разврата? Там, там, - патетичный всхлип, - будут лапать мое юное тело!..

Я захлебываюсь рыданиями. Мик, наконец-то, включается в игру, сполз с подоконника и рухнув на колени перед моим распростертым туловищем.

- Конечно, о моя госпожа! Повелительница моего сердца, а также почек, селезенки, поджелудочной железы и прочих не менее жизненно важных органов! Конечно, мы пойдем гулять и будем бродить по темному пустынному парку до рассвета, а когда лучи солнца окрасят вершину Фудзи нежно-розовым, совершим ритуальное самоубийство и, взявшись за руки, полетим навстречу предкам, и полдень будет согревать наши прозрачные спины.

- Так-то лучше! - Я села, перестав строить из себя припадочную, и ласково подула ему в лоб. - Ну, двинулись?

- А у меня есть выбор?

- Черта с два!

Мы выходим из дома. До парка рукой подать. Идем молча. Я предпочитаю не разговаривать с Миком на улице, хотя его и не слышит никто, кроме меня, а он уловит любое мое слово, даже если я скажу его шепотом или проговорю про себя. Меня, кстати, это крайне бесит.

Безлюдно и тихо. И правильно: какой идиот выползет на ночь глядя, да еще в будний день? Я не боюсь ночи - я ее

люблю. Могу часами смотреть на серебристую в свете звезд траву, впитывать шорохи и скрипы ночного мира. В темное время суток лучше всего думается. Хорошо и просто слушать и смотреть, вне неспешного потока мыслей. Мик никогда не нарушает моего добровольного одиночества. Стоит молча - столько, сколько нужно мне. Курит через каждые пять минут.

- А ты не удосужился мне даже подарок на день рождения подарить! - Налюбобавшись травинками и листочками, я поворачиваюсь к нему.

- Я ждал этого вопроса! Обычно ты задаешь его сразу, как открываешь глаза, а сегодня сдерживалась рекордно долгий срок.

- Ты меня слишком хорошо и долго знаешь, поэтому не замечаешь, как я меняюсь.

- Может быть, - он пожимает плечами. - Ну, возьми вот, с праздником!

- Он вкладывает мне что-то в руку и целует в левую бровь. Его подарки никогда не имеют практической пользы и не бывают ценными. И все же они дороги мне. На этот раз он вручил мне оранжевый шарик для пинг-понга.

- Это ты.

- Не очень-то тактично напоминать мне о самых существенных недостатках моей внешности: о росте и цвете волос.

- Ты не поняла. Его, как и тебя, не сломать, не разбить.

В воде не тонет, нигде не задерживается - скачет себе через сетку от ракетки к ракетке.

- Сломать его можно очень легко: всего лишь сдавить в ладони. И потерять легко.

Мик не отвечает, и я с нарочитым вздохом отправляю подарок в карман.

Да, я еще не сказала: я проститутка. Разумеется, я в курсе, что большая часть народонаселения считает это занятие плохим и аморальным. Но мне пофиг, если честно. Нельзя сказать, чтобы на панель меня толкнула нищета, голод или что-нибудь в этом роде. Я могла бы работать продавцом или официанткой - собственно, я ими и работала какое-то время, пока не определилась со своим последним занятием. Оно ничем не хуже прочих. Я вовсе не нахожу зазорным торговать своим телом. Кстати, часто моим клиентам требуется скорее психотерапевт, чем свежая плоть для нижних потребностей. Им нужны уши больше, чем другие части тела. Конечно, так бывает не всегда. Но немаловажен и финансовый фактор - то бишь презренное бабло. Платят в этой сфере побольше, чем продавщицам и официанткам, а ведь на одни сигареты мне и Мику уходит по паре штук в месяц.

Мик мою работу не одобряет. Но и не протестует. Вполне смирился, хотя каждый раз, когда я хочу рассказать ему что-то забавное или острое из своих будней, брезгливо морщится, и мне приходится переводить разговор на другое.

Работаю я в Конторе - отчего-то именно так называют на-

ше злачное местечко и девочки, и клиенты. Это уютная четырехкомнатная хатка с евроремонтом и шикарным джакузи. Хозяйка Илона - осветленная до желтизны сорокалетняя дама средней степени стервозности и непомерной толщины. Вместе со мной там пашут пять девчонок. Джулия - бритая налысо, широконогая, вечно сквернословящая и курящая очень крепкие сигареллы. Ее часто берут хлипкие мужички в качестве 'госпожи'. Плетки и кожа очень идут к её имиджу, но при этом существа добрее и отзывчивее вряд ли сыщешь в целом свете. Виолетта - хмурая тощая блондинка с выпуклым лбом, замкнутая и молчаливая. Трансвеститка Эсмеральда - на самом деле мальчик Артем с какой-то неизлечимой болезнью позвоночника. И Назир - очень хорошенькая казашка с длинными и густыми волосами цвета безлунной ночи.

Я - светло-рыжая, белокожая и очень маленькая, 'миниатюрненькая', как выражается наша хозяйка, рекламируя меня клиентам. Все разные, и поэтому конкуренции друг другу не составляем.

Все девочки живут в Конторе - работают, спят, едят, оттягиваются у телевизора. Кроме меня. Я здесь на особом положении - помимо того что живу дома, у меня еще и свободное расписание. Могу пропустить денек-два, если захочется отдохнуть. Конечно, предварительно созвонившись и поставив в известность Илону.

Понятно, что девчонки мне жутко завидуют. Столь при-

вилегированное положение я заслужила хорошо подвешенным языком и умением слушать - всего лишь. С раннего детства, с детдома, глотала книжки в нереальном количестве. Мне интереснее забрести на выставку или на гастроли столичного театра, чем сидеть у видеошника. Как следствие - могу поддержать светскую беседу практически на любую тему. (Кроме разве что политики и спорта - терпеть не могу и то и другое.)

Когда к нам подваливает интеллигентный клиент, Илона, наметанным глазом безошибочно определив такового, не упускает случая поведать о моем тонком уме и вкусе, ласково называя 'рыженькой гейшей'. После такой прелюдии клиенту бывает неудобно уходить без внушительных чаевых: а как же? - за культуру нужно платить.

Еще я умею слушать, а многие, как я уже сказала, приходят сюда, чтобы выговориться. В нужном месте вставляю тихие междометия, понимающе киваю. 'Прирожденный психолог' - хвалит меня хозяйка в минуты благодушия. По этим двум причинам постоянных клиентов, которые приходят исключительно ко мне, у меня больше, чем у других девочек. И, как наиболее ценный работник, я имею бонусы и привилегии.

1 июля

Сегодня было на редкость глухо: всего один клиент за весь день. (Не вообще, разумеется, а у меня.) Он принадлежал к унылому большинству. Надо сказать, что лишь с небольшим числом клиентов я испытываю ощущения, которые - условно - можно назвать приятными. Я не знаю, что делают другие девчонки во время секса с теми, кто неприятен физически - у нас как-то не повелось делиться на эту тему. Я же - придумываю картинки. Мой эксклюзив, ноу-хау. Впрочем, не совсем мой: когда-то читала воспоминания диссидента, который отсидел много лет. За непокорность его часто бросали в карцер, и там, в сырой тьме, чтобы не спянуть и не сломаться, он часами и днями выстраивал в уме замки для своих друзей. Медленно, продумывая до мельчайших деталей, выверяя каждый архитектурный изыск. Так и я. Придумываю композицию, сюжет, сочетания красок. Как можно четче прописываю в уме каждую детальку: резной лист инопланетного дерева или узор на плаще мрачного рыцаря. Мозг активно вовлечен в процесс творчества, а нужные действия тело совершает на автомате. Бывают картинки крохотные, а бывают огромные, на пять-семь человек.

Многие из таких картинок я потом воплощаю маслом или пастелью, и они, ей-богу, не хуже придуманных в иных состояниях. Про себя я зову эту категорию шедевров 'пара-тра-

хальные', но не делюсь этим термином ни с кем, даже с Миком.

'Отстрелявшись', я прошла на кухню, где болтали бездельничающие девчонки, прихлебывая чай. Присоединилась к ним, рассеянно водя карандашом по салфетке.

- Слушай, Натали, а тот дядька, что был у тебя вчера, он нормальный?

Виолетта говорит спокойно и чуть вкрадчиво, но при взгляде на нее у меня всегда возникает неприятное ощущение. Кажется, скажи ей поперек хоть слово, и она вцепится ногтями в лицо или начнет грызть горло своими белыми зубами. Мое богатое воображение, надо сказать, чаще подводит меня, чем помогает. Одно время мне даже кошмары снились с ее участием.

- Да вроде адекватный, а что? - Я пытаюсь отвечать дружелюбно, но выходит все равно с кислинкой.

- Странный он какой-то: нервный и глаза бегают, будто украл чего и боится попасться.

- Я тоже заметила: мутный мужичонка.

Слово 'мутный' - одно из любимых прилагательных Назир. Она припечатывает им практически всех, у кого меньше двух метров роста и недостаточно белозубая улыбка. Исключение составляют лишь те, кто в первый же визит оставляют немеряные чаевые. О таких она ласково-пренебрежительно отзывается как об 'уродиках'.

- Не разбираетесь вы в людях! Никакой он не бандит, а

глаза бегали - оттого что первый раз мужик в бордель пришел. Обычный среднестатистический трудяга. Вчера снял в игровых автоматах джекпот, вот и решил погулять, - я выразительно зеваю, выражая свое отношение к их физиогномическим и психологическим способностям.

Разговор плавно перетекает с одной конкретно взятой особи на мужское племя в целом. Ничего нового: тысячелетней выдержки высказывания на тему, что все мужики козлы и никто нас, бедных женщин, не понимает. Даже Эсмеральда - то бишь Артем - активно вставляет свои 'пять копеек'. Кем, интересно он себя считает? Двуполым андрогинном, бесполом ангелом?..

Артем, надо сказать, выглядит типичным 'ботаном': щупленький, в очочках, ротик куриной гузкой. Он и есть 'ботан' - студент-отличник, учится на юриста. Пашет в Конторе, оплачивая свою учебу. Казалось бы, кто позарится на такое сухонькое насекомое? Но нет, у Артема своя фишка: накурившись, он обретает блеск в глазах (очки, естественно, долой), румянец и томно-порочные манеры, и не испытывает недостатка в клиентах. А потом корчится часа два от сильнейших болей в позвоночнике. Девчонки его жалеют,

закармливают обезболивающим, отпаивают водкой, следя, чтобы не дай бог, не дошло до Илоны. Хозяйка может запросто выставить - на фиг ей инвалиды в ее престижном заведении.

Джюлька сейчас с клиентом, а то бы возразила, я думаю.

Высказалась на тему, что 'козлик' на белом свете ничуть не меньше, чем 'козлов'. Надоело. Господи, как же все это скучно! Что же вы, такие умные, хорошие и красивые, делаете здесь? Бедные, никто их не любит - а за что любить-то? Чтобы встретить принца на белом коне (серебристом 'мерсе'), нужно, по крайней мере, быть принцессой. И проводить вечера на светских раутах, за неторопливой беседой на французском, а не предаваться глупым мечтам в промежутках между продажным трахом, заляпанными сотней чужих грязных прикосновений. Я вот никого не жду и ни во что не верю, поэтому я здесь и, по крайней мере, не лицемерю ни сама с собой, ни с другими.

От моей мамы пахло ванилью, а от папы хвойным одеколоном и пеной для бритья. Эти запахи - единственная оставшаяся память о них. Когда мне было три года, какой-то пьяный ублюдок выскочил на встречную полосу и лоб в лоб врезался в их машину. Мама умерла сразу, не мучаясь. А отец сильно обгорел, и за его жизнь врачи боролись два месяца. Но спасти так и не удалось. Добросердечных тетя и бабушек у меня не оказалось, и перед трехлетней сироткой радушно распахнулись двери детского дома.

Я бережно хранила эти запахи в кладовой самых сокровенных воспоминаний. Перебирала, закрыв глаза, спрятавшись с головой под одеяло или стоя в самом центре круга из орущих, визжащих детей. Центр - место лидера или изгоя. К первой категории я не относилась: всегда была слыш-

ком маленькой, слишком рыжей и слишком замкнутой. Мне не нравились шумные игры, я не подлизывалась к воспитательницам, чтобы выбиться в их любимицы, не примыкала к кружку очередного заводилы. Я молчала, когда меня дразнили или тыкали ручкой в лицо, загнав в угол. Я считала это в порядке вещей: если все против меня, значит, так правильно. Большинство ведь не может быть плохим: не они сволочи, а я - нелепая дура и неумеха. Не было никого, кто смог бы мне объяснить, что это не так.

Нет ничего более безжалостного и бессмысленного, чем стайная детская ненависть. Мне было семь лет, когда меня заперли в пустом классе и выключили свет. Я смертельно боялась темноты и потому, забившись под парту, тихо подвывала от ужаса. Я просидела так всю ночь на голом полу и сильно простудилась. На следующее утро меня положили с высокой температурой в изолятор. Я покачивалась в липком полусне, расцвеченном кошмарами, когда ко мне на кровать подсел незнакомый мальчик, по виду старше меня на три-четыре года.

- Давай дружить, Тэш! Меня зовут Микаэль, или Мик, - улыбнулся он мне.

- Ты хочешь дружить со мной? Ты обознался. Меня зовут Наташа, а не Тэш, и все говорят, что я дура. - Испугавшись, что он и впрямь ошибся и сейчас встанет и уйдет, я заговорила быстро-быстро: - Но зато у меня есть кукла Алена, правда, у нее нет глаза и ноги, но она хорошая и все-все

понимает, и еще я умею лепить собачек, хочешь, покажу?..

- Конечно, Тэш. Только сперва тебе нужно выздороветь. А потом я научу тебя делать из бумаги надувного чертика. А то, что тебя зовут Наташа, я знаю - просто не люблю длинных и скучных имен. Наташ много, а Тэш будет всего одна. Ты тоже лучше зови меня коротко.

Он поднялся, собираясь уходить.

- Ты придешь еще? Завтра?..

- Конечно.

- Это здорово. Я буду звать тебя Мик.

Он кивнул, улыбнулся и вышел. А потом пришел на следующий день, как и обещал, а потом еще и еще. Мы виделись ежедневно: играли, болтали, делились всем, что имели. А когда мне исполнилось семнадцать и мне дали полагающуюся по закону комнату в коммуналке, стали жить вместе. Точнее, в одной комнате.

Мик далеко не ангел. Он знает все мои болевые точки и умеет чувствительно на них давить, когда мы ссоримся. А еще его никто не видит, кроме меня. Я прочла много книг по психологии и психиатрии и просмотрела кучу фильмов, но так и не смогла поставить себе диагноз. Но это не так важно- главное, что я не одинока, и если Мик - всего лишь плод моего больного воображения, то я рада своему нездоровью. Когда я его спрашиваю изредка, кто же он такой, он пожимает плечами и отвечает, что и сам не знает. Врет, наверное.

МИК:

Я никогда не врал ей. Я действительно почти ничего о себе не знаю. Это похоже на амнезию: хорошо помню себя с того момента, как впервые увидел Тэш. А все, что было до этого - как в тумане. Цветном, тревожном тумане. Какие-то догадки насчет того, кто я и откуда, у меня есть. Но озвучивать их Тэш я не решаюсь. Пока, во всяком случае. Только две вещи знаю твердо. Первое: я не галлюцинация. Второе: без нее я не смог бы существовать, по крайней мере - здесь и так.

Я знаю ее полностью, и при этом - совсем не знаю. Вот ведь, бывает и так. Знаю наклон головы в минуты задумчивости - могу назвать угол между маленьким подбородком и ключицей. Движение бровей и количество морщин на лбу, когда она хмурится. Когда злится, она смешно раздувает ноздри или скалится, как маленькая волчица или лиса. Впрочем, это последняя стадия, когда все доводы исчерпаны и наружу выплескивается неконтролируемая ярость.

И при этом Тэш то и дело удивляет меня. Сегодня, к примеру, притащила рыжего котенка, заявив, что он будет жить с нами. На мое возражение, что два рыжих экземпляра - не многовато ли для восемнадцати квадратных метров, предложила заткнуться или выметаться самому, поскольку два рыжих экземпляра вполне способны прожить без одного белесого и занудливого. Потом, правда, извинилась - осознав, что обидела меня не на шутку. В общем, котенок был назван Желудем (непонятно, почему не Грецким Орехом или Арахисом), накормлен, напоен и спать уложен - и не куда-нибудь,

а на мой диван. Походя он разрушил ее теорию обо мне как о призраке (точнее, одну из версий) - поскольку ничуть меня не пугался, не шипел, а вполне приветливо терся о ноги, оставляя рыжую шерсть на джинсах.

- Нет, я тебе точно говорю: ты - раздвоение мой личности.

- Скинув жуткие туфли на платформе (по-моему, это орудия пыток, а не обувь, способная подчеркнуть достоинства женских ног), она забралась в кресло у компьютера и принялась щелкать мышью.

- Ты прекрасно знаешь, что мне неприятна эта тема. Мало того, что ты единственная, кто видит меня, так тебе еще доставляет садистское удовольствие каждый раз тыкать меня в это носом, словно щенка в разгрызенный им тапок.

- Да не бери в голову, дорогой! У меня просто выдался тяжелый денек.

- Что, клиенты затрахали? - Я злюсь и потому хамлю.

Вообще-то, я стараюсь не касаться темы ее работы. Меня воротит, когда она начинает что-то рассказывать о клиентах или о девочках, но мешать ей жить так, как она хочет, я не собираюсь. В конце концов, я не ее духовник и не ее папа.

- Недотрахали, если тебя это так волнует. Пустой день.

Лицо ее заостряется и каменеет. Ну все, сейчас начнется.

Ой, зря я затронул эту тему!

- А вообще, если тебе интересно: вчера у меня был очень милый дяденька.

- Замолчи.

- Только у него были проблемы...

- Прекрати, Тэш!

- У него никак не вставал. Ты ведь понимаешь, о чем я? Впрочем, что я говорю: ты, бедненький, напрочь лишен плотских радостей!

- Да пошла ты, Тэш!..

- Куда, миленький? Там, куда ты меня хочешь послать, я и так уже нахожусь. Априори. Так ты не хочешь узнать трогательное продолжение моего вчерашнего вечера?..

- Я хочу только одного: чтобы тогда, в машине, ты сидела бы рядом со своими родителями. А я бы сейчас был где-нибудь в другом месте и не слушал гадости от девки, которая спит с мужиками за деньги и при этом думает, что станет когда-нибудь счастливой! - Я произнес это на одном дыхании, и лишь когда замолчал, понял, что сейчас будет взрыв.

- Убирайся к дьяволу, слышишь! Оставь меня! Да, я согласна: лучше было бы мне сдохнуть тогда - мир стал бы от этого намного лучше и чище!..

Она никогда не плакала, даже от сильной боли. Но, когда кричала, от силы ее крика, кажется, могло треснуть стекло и завибрировать потолок. А предметы, находящиеся в непосредственной близости от эпицентра вопля, летели во все стороны. Вот и сейчас она схватила со стола чашку и швырнула в меня. Не попала, к счастью - лишь осколки врезавшегося в дверь фаянса усыпали мне ноги.

- Да, я знаю - я ни на что не способное ничтожество, без-

дарь! Да еще и с собственной головой не дружу! Но ты, ты... - она кривила лицо в бессильной ярости и втягивала рывками воздух - словно он был раскаленными или, наоборот, ледяным, - мог бы, по крайней мере, не напоминать мне ежесекундно об этом!..

Она резко замолчала и, обхватив плечи руками, принялась раскачиваться из стороны в сторону. А вот это уже плохо: лучше бы кричала и билась в истерике. Такое состояние называлось глухой обидой. Она могла пребывать в нем неделями, грызя себя и тихо ненавидя весь мир.

Надо сказать, что с посторонними Тэш была обычно спокойной. Ее не могли вывести из себя ни язвительность, ни хамство. Но стоило мне неосторожно задеть ее, как она взрывалась. Она впустила меня туда, куда другим вход был строго воспрещен. Туда, где за огрубелым панцирем таилось нечто пульсирующее, живое. Отзывавшееся на всякое холодное или острое прикосновение сильнейшей болью.

Я присел на корточки возле её ноги. Мне проще попросить у нее прощения сейчас, чем несколько дней выносить молчание и упрямый обиженный взгляд между лопаток - стоит мне отвернуться.

- Не злись, Тэш! Я не говорил, что ты бездарность и ничтожество. А за слова, что вылетели у меня сгоряча, извини. Ты ведь прекрасно понимаешь, что я так не думаю. В конце концов, ты права: не мне учить тебя жить - это бесполезно и бессмысленно.

Она молчала, но ладони, вцепившиеся в плечи, разжались, опустились на колени. Воодушевленный, я продолжал:

- Смотри, тебе котенка, что ты притащила, не жалко? Он, бедный, аж в щель между диваном и стеной забился от твоих криков. Верно, решил, что попал в сумасшедший дом! Хорошо хоть, с соседями нам повезло. Дядя Колян в очередном запое, и даже иерихонские трубы его сейчас не разбудят. А Лиля Павловна еще не приползла с любимой работы... Ну, все, хватит дуться - а то лицо станет серым и пупырчатым, как кожа у слона. А глаза - маленькими и заплывшими.

- Ничего себе перспективку ты мне тут нарисовал! - Она возмущенно фыркнула. Когда Тэш прощает, она делает это мгновенно - переход от опалы к милости практически не отследить. - Я правда истеричка, Мик?

- Нет, ты шизофреничка. А я - плод твоего воспаленного воображения.

Кажется, это мы уже обсуждали.

- А если серьезно?

- А если серьезно, то пойди накорми своего Желудя. А то твой зверь смотрит на меня такими голодными глазами, что я начинаю беспокоиться за наиболее аппетитные и мягкие части моего тела.

- Вот черт, совсем забыла! Пойду молоко для него подогрею! - Она пулей понеслась на кухню.

Накормив зверя, Тэш долго держала его на коленях. А ложась спать, уложила рядом с собой на подушку. Ярко-ры-

жая шерсть и нежно-рыжие волосы смотрелись рядом великолепно. Жаль, я не живописец... Желудь тихо мурлыкал, перекинув лапку через ее шею и доверчиво уткнувшись мордочкой в ухо.

Я закурил и присел на подоконник.

Курить я начал давно, одновременно с Тэш. Ей было, кажется, тринадцать, когда она затянулась впервые. В детдоме это в порядке вещей: пацаны начинают дымить и того раньше. Сначала курил, чтобы составить ей компанию. А потом заметил, что с сигаретой у меня получается бывать с ней дольше, чем обычно. (Мне ведь в первые годы приходилось совершать невероятные усилия, чтобы каждый день полтора-два часа проводить с ней.) С сигаретой было легче и проще. Отчего? Я не задумывался об этом.

Единственное, что смущало: и себе, и мне курево должна была раздобывать Тэш. Приходилось стрелять на улице, либо подворовывать - сигарету-две из оставленной по небрежности пачки - у более 'состоятельных' детдомовцев.

Я курил, сидя на подоконнике, смотрел на занимающийся рассвет. Мне не дано спать, поэтому я обычно охраняю ее сон. Тэш то и дело просыпается от кошмаров, и тогда я сажусь рядом и мы болтаем. Часто она говорит, что боится жить, а я отвечаю на это, что только глупцы и лицемеры твердят, что у них нет страха. Потом она засыпает, держа меня за руку, как маленькая. Как мне жаль, что я ничего не могу дать ей. Ни великого счастья, ни безудержной любви. Но я

всегда буду рядом, пока это в моих силах. Чтобы охранять ее сны, по крайней мере.

20 июля

Почти все наши девушки остаются ночевать в Конторе. Во-первых, клиентов зачастую ночами подавливает больше, чем днем и вечером, а во-вторых, всем, кроме Джульки, просто некуда идти. И только я с маниакальным упорством (и изрядно проигрывая в заработке) почти каждую ночь возвращаюсь домой. Потому что меня ждут. Девчонки знают это и завидуют, хотя я никогда не рассказывала им о Мике.

Но сегодня я решила остаться, а зато следующие пару денечков отдохнуть.

Мы с Джулией сидели на кухне. Она со слезами в голосе рассказывала, как в прошлом году потеряла ребенка. Он родился мертвым. Я сосредоточенно кивала с печальным видом и периодически вздыхала. Ну, не умею я сочувствовать! Понять головой, как может быть больно человеку, могу, а вот проникнуться всем сердцем его страданием - никак. Я знала, что Джулия сама во всем виновата: не надо было работать до последнего дня, продавая свой живот на панели, словно некий эсклюзив, не надо было пить и курить, и нюхать коку. Ищи корень своих бед в себе - не врет древняя мудрость. Она хороший человек, Джулька, и сильно переживает. Даже пыталась покончить с собой после родов и месяц лежала в психушке. Каждый раз, когда находится желающий ее слушать, она повторяет одно и то же десятки раз. Мне ее жалко,

но как я могу ей сочувствовать? Со-чувствовать - чувствовать то же, что и она, в унисон с ней. У меня не умирали новорожденные дети, и я не знаю, каково это. Я могу говорить успокоительным тоном нужные слова, и она будет мне верить, но при этом ничто не стронется, не перевернется в моей душе. Ее боль останется только ее, и ничьей больше. Так же, как и мне свою никому не отдать, не переложить на чужие плечи, как бы мне этого ни хотелось. Люди одиноки по определению, от рождения до смерти. И если Бог существует, и он создал нас по своему образу и подобию, то он должен быть страшно, неправдоподобно одинок.

Впрочем, может быть, это я такая бессердечная и неправильная, а у других все иначе.

- Наташа, почему ты стоишь одна? По-моему, я внятно сказала: построиться парами.

- Но, Маргарита Леонидовна, у меня есть пара. Его зовут Мик, и он мой друг.

- Наталья, перестань выдумывать: здесь никого нет! Возьми за руку

Алину, и мы наконец пойдем.

- Но вот же он, вот! Мне не нужна больше пара.

- Значит, ты останешься дома и не пойдешь со всеми в театр. В последний раз говорю: встань в пару!

- Нет! Другая пара мне не нужна!

И я осталась в постылых стенах, когда все пошли в театр. Меня заперли в спальне, чтобы не путалась под ногами и чув-

ствовала свою вину. Но я только радовалась - поскольку могла играть и рисовать с Миком, и никто бы мне не помешал. Тогда я еще не догадывалась, что вижу его лишь я одна. Мне казалось, что подслеповатая воспитательница просто его не заметила, а дети промолчали из вредности.

Вечером все вернулись. Как только дверь в спальню открыли, я выбежала во двор. Ко мне подошел Колька Зубов, или Зуб. Это был заводила и самый отвратный парень во всем детдоме. Старше меня на три года, он всюду курил, нюхал клей и непрерывно матерился. Щуплый и невысокий, Зуб не давал прохода всем, кто был слабее его. Возле него всегда вились трое парней, во всем ему подражавших - кордебалет, или свита. Вместе их называли Зубов и Ко.

Один из кордебалета, Мишка на Севере, он же Медведь - огромный белесый парень, туповатый и медлительный - схватил меня за руку. Черноволосый вертлявый пацаненок - то ли армянин, то ли таджик - по кличке Пиявка и Голова - мозги этой компашки, круглый отличник, стукач и любимчик воспитателей (именно благодаря ему зубовской компании прощались почти все выходки), подскочив с двух сторон, заорали:

- Чокнутая, чокнутая!!!

Я попыталась вырваться, но хватка у Медведя была вполне зверская. Зуб больно ткнул меня пальцем в бок и с усмешкой выдал:

- Больные нам не нужны, верно, Медведь? Больная голова

- это заразно.

- Я не больная, это вы дураки!

- Ну как же не больная: выдумала себе друга, потому что никто не хочет с тобой водиться! Кто станет водиться с чокнутой?

Шестерки заржали в унисон.

- Это неправда, я не выдумала, он есть! Вы все врете, потому что завидуете. Вы все плохие!..

- Если мы плохие, то почему же твой хороший друг не вступится за тебя, когда я делаю вот так? - Зуб толкнул меня, а Медведь отпустил руку, и я кулем повалилась на землю.

- Где он, твой - как ты его назвала - Зак, Ник, Фил?.. Фил, точно, Фил!

Все заржали, а Пиявка, подскочив, пнул меня ногой в живот. Я смотрела на Мика, стоявшего в нескольких шагах от нас, и не понимала, почему он не вступится за меня. Почему просто стоит, хотя и сжав кулаки, и оскалившись - а не подойдет к моим мучителям и не покажет им?.. Это длилось очень долго, а может, мне так показалось. Я молча лежала на холодной земле, прикрыв руками голову, и не отрывала от своего друга непонимающего взгляда. Зубову и Ко надоело возиться со мной. Пнув меня еще пару раз, они отошли. Напоследок Голова наклонился надо мной и прошипел:

- Запомни: это не мы, а ты плохая. Сумасшедшая грязная дура, поэтому тебя все и дразнят! И не вздумай жаловаться: во-первых, тебе никто не поверит, а главное - мы тебе ото-

мстим как следует. И никуда ты от нас не денешься!

Мне было очень холодно и больно. Но подниматься не хотелось.

Хотелось одного: закрыть глаза, забыться, окончательно заледенеть.

- Пойдем, Тэш! - Мик присел рядом со мной.

Я сжала его ладонь, так сильно, как только могла.

- Тебя нет, ты не существуешь! Я хочу быть нормальной, хочу, чтобы со мной играли другие дети, а не ты!..

- Ты делаешь мне больно - отпусти!

Я разжала пальцы. На его ладони красным оттиском остался след моего судорожного пожатия. Были видны даже полукруглые углубления от ногтей.

- Значит, ты живой, ты существуешь?! Но отчего тогда ты не вступился за меня?..

Он стер грязь с моей щеки. Его ладонь была сухой и теплой.

- Я не мог, правда. Не знаю, почему. Для них я действительно не существую, но это не значит, что меня нет. Честно!

- Значит, ты никогда-никогда не сможешь защитить меня?..

- Нет, не смогу.

- Но ты можешь пообещать, что всегда будешь играть со мной?

- Конечно, - он горячо кивнул мне.

- Тогда мне придется поскорее вырасти, стать большой и

сильной, чтобы побить этих мальчишек! - Я поднялась на ноги без его помощи и попыталась вытереть грязным кулачком кровь на лице. - Они все врут: я вовсе не глупая и не чокнутая. Это они злые и гадкие!

В кабинете врача я сказала, что упала. Никто особо не интересовался, почему семилетняя девочка вся в ссадинах и синяках. Я была умной девочкой и больше никогда никому не говорила о Мике - знала, что за такое полагается дурка. Время от времени кого-нибудь из ребят отправляли в сумасшедший дом - за непослушание, или побег, или мокрые простыни. Оттуда возвращались не все, а те, что приходили, становились послушными и тихими. Они рассказывали шепотом о зверствах санитаров, об уколах, после которых либо все время хочется спать, либо мучительно ноют мышцы и кости.

Я стала послушной и тихой заранее. Поэтому избежала сумасшедшего дома - хоть порой и думала, что было бы лучше, если бы меня навсегда заключили туда.

- Девочки, хватит расслабляться - клиент на подходе! - Илона, как всегда подтянутая - несмотря на пышные тела, и при полном параде, заглянула на кухню.

Очень вовремя - не люблю погружаться в воспоминания. Слишком они яркие и болезненные. И голодные - раз набросившись, не отпускают потом долго-долго.

Девчонки забежали, засуетились. Я подошла к зеркалу поправить макияж. Губы - они у меня тонковаты по нынеш-

ним меркам - можно зрительно увеличить, грамотно наложив помаду. Высветлить сумрак над глазами с помощью серебристых теней для век... Но вот усталость и налет тоски не замаскирует даже самый дорогой тональник. Я растянула пальцами губы, изображая улыбку. Свет мой, зеркальце, заткнись - я причесаться подошла!

Звонок в дверь - вот и клиент пожаловал. Выбор девочек - один к одному покупка лошади или породистой собаки. Только что зубы не смотрят, да ржать или лаять не заставляют.

Клиент сидел в холле - так гордо именовалась самая большая комната, в кремовом кожаном кресле, потягивая 'гостевое' (еще одна формулировка Илоны) шампанское. Интересный тип, такие к нам не часто заходят. Несмотря на расслабленность позы, от него веяло холодной спокойной силой. Невысок, маленькие холеные руки. Но пальцы длинные - такие могут быть у хирурга или пианиста. Чересчур белая кожа и резко выделяющиеся на ее фоне темные глаза. Взгляд пристальный и оценивающий. Что-то восточное в лице - похож на метиса с корейцем или монголом. Губы не яркие и не крупные, светло-пепельного оттенка. Выглядит молодо, но стильно подстриженные волосы почти сплошь седые.

Девчонки напряглись и завибрировали, особенно Виолетта. Она самая старшая из нас (тридцатник с хвостиком), самая ухоженная и самая умелая. Когда-то была замужем за состоятельным мэном, но мэн ее бросил, а привычка к доро-

гим тряпкам и французскому парфюму осталась. Интересно, что у нее, единственной из всех - несмотря на весь шик - нет постоянных клиентов. Отчего-то во второй раз к ней никто не приходит.

Илона, опознав в клиенте 'культурного', стрельнула в меня глазами и открыла рот, чтобы затянуть обычную песню о 'нашей миниатюрненькой умнице, настоящей гейше', но он, к счастью, не дал ей этого сделать.

- Она, - клиент слегка качнул головой в мою сторону.

Я была ему благодарна, что он избежал фраз типа 'вот эту мне' или 'мне нравится мелкая и рыжая'.

Он взял меня на три часа. Уже через час то, ради чего он пришел, совершилось. Он сидел обнаженный на широкой постели с черными шелковыми простынями (Илона считает это большим шиком) и курил. А я размышляла о двойственном чувстве, которое он вызывал во мне. Мне не было с ним противно или плохо. Я не придумывала картинки, а, расслабившись, участвовала в процессе. Но и абсолютным позитивом назвать это было трудно. Он умело играл на моем теле, я ощущала себя марионеткой, куклой, задорно отплясывавшей в руках кукловода. И еще этот взгляд... Считается, что самыми гипнотическими и леденящими бывают светло-серые глаза, но его черные пронизывали насквозь и обжигали морозом. Отчего-то он ни на секунду не отпускал меня глазами.

- Почему вы так смотрите на меня?

- Как?

- Оценивающе.

- Значит, оцениваю, - он слегка пожал плечом.

- Кажется, мою стоимость уже озвучили, и вы заплатили.

- Почему ты называешь меня на 'вы'? По меньшей мере странно слышать от женщины, с которой только что переспал. Ты бы еще по имени - отчеству обратилась.

- Я не знаю ни того, ни другого.

- Меня зовут Дар. Ты не боишься меня. Опасаешься, но не боишься.

Это подкупает.

- А мне стоит тебя бояться? Мне кажется, я хорошо разбираюсь в людях. По крайней мере, редко в них ошибаюсь.

Я тоже закурила, завернувшись в простыню.

- Откуда у тебя этот шрам? - Он взял мою руку. - Ого! Он и тут, - удивился, повернув ладонь. Коснулся теплыми сухими пальцами хитросплетения линий. - Тебя будто проткнули или распинали.

- Ни то, ни другое.

Я отдернула руку - не терплю прикосновений к этому шраму, и тем паче воспоминаний, с ним связанных.

Дар замолчал и отвернулся. Красноватый свет бра падал на его лицо, делая похожим на причудливую маску. Резкие тени заостряли нос, очерчивали опущенный подбородок. Только высокий лоб был освещен полностью и поблескивал. Налипшие на него седые пряди казались твердыми, пласти-

ковыми. Крестик на шее - не золотой, самый обычный - подрагивал, искрясь, от ударов сердца. У меня зачесались руки. Торопясь, я вытащила из косметички карандаш для век и бумажную салфетку. Дар не шевелился, словно окаменел - просто идеальный натурщик. Кажется, он так глубоко ушел в свои мысли, что напрочь забыл о моем существовании. Станный все-таки клиент.

- Интересно, зачем ты пришел сюда? У тебя ведь нет проблем с женским полом.

Он медленно стряхнул длинный столбик пепла.

- Я получаю то, что хочу, за те деньги, что плачу. Это честнее, чем заводить отношения. Принцип такой же, только там за секс я должен расплачиваться вниманием и подарками - что требует большего времени и суеты. К тому же при этом труднее разобраться, кто кому и сколько должен.

- Забавный подход, - закончив рисунок, я полюбовалась им и отложила в сторону. - А как же любовь?

- Женщина, которую я любил, умерла. Никто и никогда не заполнит мою душу, но у тела свои требования, и приходится их удовлетворять. Думаю, мне пора! - Он принялся неспешно одеваться. Бросив беглый взгляд на салфетку со своим портретом, поднял ее и с интересом рассмотрел. - У тебя явный талант, Натали. Я редко появляюсь в одном и том же месте дважды, но сюда, пожалуй, еще зайду. Больно хорошо ты рисуешь. Могу я забрать это?

- Не вопрос, конечно. Я рада, что хоть кто-то считает меня

талантливой.

- Что ж, до встречи!

Он бесшумно выскользнул за дверь.

Послышалось почтительное кваканье Илоны, неестественно звонкий смешок Виолетки...

Одеваясь, я заметила две сотни баксов, оставленные на черной простыне. Неплохо он оценил мое творение! Ну что ж, Дар, спасибо - лишние деньги мне не повредят.

МИК:

Тэш росла, продолжая оставаться изгоем. Все ее сторонились - ни друзей, ни подруг. Она и не стремилась к дружбе, огрызаясь на каждое сказанное ей слово, считая всех вокруг врагами. Детская замкнутость переросла в подростковую агрессию. Она открыто говорила, что ненавидит весь мир, срывалась даже на меня. И еще она часто плакала ни с того ни с сего.

Правда, с воспитателями и директрисой она вела себя тихо - образ страшной дурки всегда витал где-то возле. Все свободное время - если меня не было рядом - читала. Отлично училась, поставив целью поступить в престижный вуз.

Детдом, в котором Тэш повезло провести детские и юные годы, считался одним из лучших в области. То есть ей и впрямь повезло, без кавычек. От девчонок, побывавших в других местах, она слышала мерзкие бытовые подробности - вроде карточных игр на 'живое мясо' - девочек старше двенадцати лет. Приставания воспитателей к детям обоих по-

лов считались там в порядке вещей. Как и почти постоянное чувство голода.

В детдоме Тэш по сравнению со всем этим жизнь была райской. Кормили прилично, не лапали, по коридорам не шастали полчища крыс. Девочки отдавались парням добровольно (обычно за сладости, сигареты и вино). Раз в год появлялись проверяющие комиссии, и перед их приходом даже не устраивали авральных уборок.

Когда Тэш было около четырнадцати, в главном здании затеяли ремонт. Всех детей переселили в учебное крыло, отдав под спальни школьные классы. Тэш взяла за правило вечерами уходить в опустевшую часть, выбрав самое маленькое и уютное помещение. Правда, в ремонтируемой части дома отключили отопление и электричество, но она довольствовалась керосиновой лампой и добавочным одеялом. Да и за окном была ранняя теплая осень.

Она читала в одиночестве, но чаще болтала со мной, и это было здорово: ведь обычно для наших игр и общения мы выбирали самый пустынный уголок сада или коридора, где бы никто не увидел ее 'помешательства'.

Дежурные воспитатели поначалу с руганью прогоняли ее в общую спальню. Но со временем стали смотреть сквозь пальцы - даже на то, что Тэш оставалась в своем убежище до утра. Она ведь имела репутацию прилежной 'ботанки', тихой и аутичной, изо всех силенок идущей на золотую медаль.

Как раз в это время, с тринадцати-четырнадцати, она на-

чала расцветать. Но Тэш это нисколько не радовало. Она носила только джинсы, рубашки и свитера - никаких юбок и платьев, никакой косметики. Поэтому окружающие не замечали, как менялось ее тело - чего она, собственно, и добивалась. В таком месте, как детский дом, опасно быть юной и привлекательной. Лучше уж подольше оставаться угловатым гадким утенком.

Но пришел день, когда она забыла про осторожность. Ей захотелось стать женственной и красивой, хотя бы на один вечер. В детдоме недавно появился новый мальчик, потерявший всю семью при пожаре. Он был красив, молчалив и окружен ореолом трагедии. Не думаю, что это можно назвать первой любовью, но увлеклась Тэш не на шутку. Ей хотелось отвлечь его от грустных мыслей, и как раз в субботу устраивалась дискотека. Не знаю, у кого из девчонок она одолжила платье и косметику - подруг у нее не было. Но нашлась, видно, добрая душа. Я был против ее внешнего вида и ее идеи, и мы сильно поссорились.

Я не люблю бывать с Тэш на людях, особенно в толпе - поэтому, и не будь мы в ссоре, никуда бы не пошел. Остался в ее временном убежище, копаясь в собственных мыслях, пуская дым в форточку. Не помню, говорил ли я, что с годами у меня получалось находиться с ней рядом все дольше. И курение играло в этом не последнюю роль.

Не прошло и двух часов, как Тэш вернулась. Но не одна. Ее втащила компания Зуба. От парней несло алкоголем и

ПОХОТЬЮ, а от нее - животным ужасом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.